

МЭРИ — С ЛЮБОВЬЮ

Содержание

Глава первая	9
Глава вторая	36
Глава третья	59
Глава четвертая	94
Глава пятая	121
Глава шестая	156
Глава седьмая	205
Глава восьмая	253
Глава девятая	300
Глава десятая	334
Глава одиннадцатая	371
Глава двенадцатая	397
Глава тринадцатая	444
Глава четырнадцатая	457
Словарь морских терминов	509

Глава первая

Рассвет едва забрезжил; пелена дождя, перемещавшаяся к восточной части залива, поредела настолько, что стало видно: преследуемый корабль изменил курс. «Чаруэлл» шел за ним почти всю ночь, выжимая, несмотря на обросшее водорослями днище, семь узлов. Между кораблями было уже не более полутора миль. Шедший впереди поворачивал, идя круто к ветру. Тишина на палубах фрегата стала гробовой после того, как каждый на его борту смог различить вдали два ряда орудийных портов. Моряки сумели толком разглядеть незнакомца впервые после того, как впередсмотрящий, несмотря на сгущавшуюся темноту, крикнул, что в одном румбе слева на крамболе заметил парус над горизонтом. Он шел курсом норд-норд-ост. По общему мнению моряков «Чаруэлла», это было одно из судов рассеявшегося французского конвоя или же американец, пытавшийся сквозь блокаду, под покровом безлунной ночи, прорваться к Бресту.

Через две минуты после того, как незнакомец был обнаружен, на «Чаруэлле» поставили фока- и грот-брамсели¹, лишь незначительно увеличив парусность. Дело было в том, что фрегат завершал долгий и утомительный переход из Вест-Индии. Девять недель они не видели суши; частыми в пору равноденствия бурями сильно потрепало и без того изношенные рангоут и паруса; в придачу ко всему трое суток пришлось дрейфовать в разбушевавшемся не на шутку Бискайском заливе, и было вполне понятно, почему капитан Гриффитс хотел немного побережь корабль. Хотя и не

¹ Здесь и далее см. «Словарь морских терминов», помещенный в конце книги.

слишком резво, часа через два фрегат все-таки стал нагонять незнакомца, а во время утренней вахты, когда пробило четыре склянки, «Чаруэлл» изготовился к бою. Барабанщик пробил сбор, матросы ринулись выносить наверх свернутые койки и укладывать их по бортам в сетки, образуя из постелей бруствер, орудия были выдвинуты в порты. Выдернутые по тревоге из-под теплых одеял вахты молча стояли у пушек под холодным дождем. За час с лишком они успели продрогнуть до костей.

Напряженную тишину нарушил канонир одного из орудий на шкафуте, толкая стоявшему возле него человеку, который подслеповато щурился, вглядываясь в даль:

— Это французский двухпалубник, лопни мои глаза! Семидесятичетырех-, а то и восьмидесятипушечник. Попали мы, старина, голым задом на ежа!

— Эй, на шкафуте, молчать в тряпку! — рывкнул капитан Гриффитс. — Мистер Куорлз, записать фамилию паникера!

Горизонт затянуло серой пеленой дождя. Однако теперь все догадывались, что кроется за этой завесой. Это был французский линейный корабль, ощерившийся двумя рядами орудийных портов. Ни один из моряков фрегата не упустил из виду почти незаметный поворот рея, обозначавший, что француз поставит фок в нужное положение, ляжет в дрейф и станет их поджидать.

«Чаруэлл» нес 32 двенадцатифунтовые пушки, а в ближнем бою, пустив в ход короткоствольные карронады на шканцах и полубаке и тяжелые орудия, он мог обрушить на противника одним бортовым залпом 238 фунтов металла. Французский линейный корабль выдал бы в ответ не меньше 960 фунтов. Ясное дело, плетью такой обух не перешибешь! И вовсе не стыдно было бы спуститься под ветер и дать деру, если бы не следующее обстоятельство: где-то неподалеку в сумрачном море за ними следовал мощный напарник — фрегат «Ди», вооруженный 38 восемнадцатифунтовыми орудиями. Во время последнего шторма он потерял стеньгу и оттого снизил скорость, но до наступления ночи фрегат был отчетливо виден и отвечал на сигнал капитана Гриффитса, который, как старший по званию, приказал совместно преследовать противника. Хотя линейный корабль превосходил своей огневой мощью оба фрегата, вне всякого сомнения, англичане

совместно смогли бы задать французу перцу. Француз наверняка спокойно подставит свой борт одному из фрегатов и примется расстреливать его из всех орудий; зато второй фрегат, сумев зайти со скулы или раковины, станет выкашивать неприятельские палубы беспощадным продольным огнем, и уж тут французу крыть будет нечем. Вариант вполне возможный: его уже испробовали. К примеру, в 1797 году «Неутомимый» и «Амазонка» таким манером потопили французский семидесятичетырехпушечник. Правда, у «Неутомимого» и «Амазонки» на двоих было восемьдесят дальнобойных орудий, а французский «Друа де л'ом» из-за сильного волнения не смог открыть нижние орудийные порты. Сегодня же по морю шла умеренная зыбь, а значит, «Чаруэллу» придется перекрыть незнакомцу дорогу к Бресту с большим уроном для себя.

— Мистер Хауэлл, — произнес капитан. — Поднимитесь с подзорной трубой на марс и попытайтесь обнаружить наш «Ди».

Капитан не успел закрыть рот, как длинноногий мичман оказался на полпути к салингу бизань-мачты.

— Есть, сэр, — донесся его ответ сквозь пелену дождя.

Небо потемнело еще больше, и на фрегат обрушился шквал с ливнем: стена воды была такой плотной, что какое-то время со шканцев с трудом различали полубак, а из шпигатов подветренного борта хлестало ручьями. Внезапно ливень прекратился, и как только немного развиднелось, послышался голос мичмана:

— Сэр! Наш фрегат на траверзе подветренного борта, корпус виден над горизонтом. Он сумел выловить...

— Доложите как полагается, — громким, но нудным голосом отозвался капитан. И бросил вестовому: — Лейтенанта Барра ко мне!

Оставив свой боевой пост, третий помощник кинулся к шканцам. Когда он поднялся на них, ветер стал срывать с него мокрый дождевик. Судорожными движениями он одной рукой придерживал плащ, а другой — зюйдвестку.

— Снимите ее, сэр! — вскричал капитан Гриффитс, побагровев от злости. — Вы что, боитесь сквозняка? Или забыли приказ лорда Сент-Винсента о том, как должно приветствовать команди-

ра... — На этом его порыв угас, и он спросил уже более миролюбиво: — Когда ждать смены течения?

— Прошу прощения, сэр, — отозвался лейтенант Барр. — В десять минут девятого. Осмелюсь доложить, что сейчас заканчивается период между отливом и приливом.

Буркнув что-то себе под нос, капитан обратился к мичману:

— Что вы сказали, мистер Хауэлл?

— Он сумел выловить свою грот-стенгу, сэр, — отвечал мичман со своего наместа. — И только что пошел в крутой бейдевинд.

Капитан направил подзорную трубу на «Ди», чьи брамсели были отчетливо видны над неровной линией горизонта, а когда зыбь подбрасывала оба фрегата, то он мог видеть и марсели. Вытерев насухо линзу объектива, он снова прильнул к окуляру, круто повернувшись, взглянул на француза, затем вдвинул одно колено подзорной трубы в другое и снова посмотрел на далекий фрегат. Облокотясь о планширь, капитан стоял в одиночестве на правой стороне шканцев — этой святой святых корабля. Офицеры то наблюдали за нагоняющим их фрегатом и поджидающим добычи линейным кораблем, то исподтишка поглядывали на капитанскую спину.

Положение было неопределенное — пока еще оно могло обернуться любой стороной. Ясность внесет приказ, и как только он будет отдан, останется положиться лишь на судьбу и удачу. Сначала события будут разворачиваться медленно, затем они все быстрее и быстрее будут стремиться к неизбежному финалу. И тогда пути назад не будет. А решение следует принимать, причем принимать быстро; при нынешнем ходе «Чаруэлл» окажется на дистанции выстрела раньше чем через десять минут. Однако следует учитывать многие факторы... «Ди» развивает недостаточную скорость, идя круто к ветру. А встречное приливное течение с траверза еще больше задержит его. Фрегату, возможно, придется менять галс. А всего лишь через полчаса французские тридцатидесятифунтовые пушки вспорют «Чаруэллу» брюхо, сбьют на нем мачты, после чего отбуксируют его в Брест, тем более что ветер дует попутный. Но почему же не видно ни одного корабля эскадры, ведущей блокаду? Разметать ее не могло: не так уж силен был шторм. Все это чертовски странно, начиная

с наглого поведения француза. Ведь на орудийную канонаду вся английская эскадра ринется как мухи на мед... Значит, что-то здесь неладно...

Напряженные взгляды жгли его спину так, что капитан Гриффитс взъярился. Не хватало только праздных зевак на его голову: помимо нескольких офицеров не из его команды на палубе фрегата стояли двое штатских, один из Гибралтара, другой из Порт-оф-Спейн. Среди пассажиров были известный дуэлянт генерал Пэджет и капитан Обри, он же Счастливец Джек, который не так давно, командуя четырнадцатипушечным шлюпом «Софи», атаковал тридцатишестипушечный испанский фрегат-шебеку «Какафуэго» — и захватил испанца. Несколько месяцев назад на флоте название этой шебеки было у всех на устах. Но сейчас капитану «Чаруэлла» от этого было не легче.

Джек Обри стоял у самой последней карронады левого борта с совершенно равнодушным, отрешенным лицом. Капитан Обри был высок и со своей позиции легко мог наблюдать за обстановкой, за тем, как быстро и плавно изменяется конфигурация треугольника, образованного тремя кораблями. Рядом с Джеком Обри стояли двое пониже его ростом. Одним из них был доктор Мэтьюрин, служивший лекарем на «Софи». Его сосед был весь в черном — черная шляпа, развевающийся черный плащ, — и на его узколобом лице, казалось, было написано: тайный агент. Вернее — шпион, поскольку более длинное слово на таком лбу не уместилось бы. Они разговаривали на языке, который смахивал на латынь, причем очень оживленно. Джек Обри, перехватив свирепый взгляд командира фрегата, наклонился к другу и прошептал ему на ухо:

— Стивен, пожалуй, вам стоит спуститься в лазарет. В любую минуту вы можете там понадобиться.

Капитан Гриффитс отвернулся от поручней и с подчеркнутым спокойствием произнес:

— Мистер Берри, дайте семафор: «Я намерен...»

Грохот пушки линейного корабля оборвал капитана на полуслове, после чего над палубой француза взвились три синие ракеты, и утреннее небо озарилось мертвенным светом. Гонимые ветром, искры не успели рассыпаться, как ввысь взлетел уже

целый сноп ракет. Это зрелище несколько напоминало фейерверк по поводу сожжения чучела заговорщика Гая Фокса¹, только вдали от берегов.

«Что за чертовщина?» — изумился Джек Обри, прищуривший глаза от ярких всполохов. Удивленный ропот моряков на палубе вторил его недоумению.

— Внимание! — крикнул с фок-мачты впередсмотрящий. — С подветренного борта француза отвалил катер!

Капитан Гриффитс мигом направил в ту сторону подзорную трубу.

— Фок и грот на гитовы! — приказал он, и нижние паруса на фок- и грот-мачтах были приподняты, чтобы не мешать обзору. Гриффитс увидел не катер, а тендер — легкое суденышко английской постройки, — который повернул рей. Парус наполнился ветром, тендер увеличил скорость и по свинцовым волнам помчался в сторону фрегата.

— Разобраться с тендером, — скомандовал капитан. — Мистер Бауз, дайте предупредительный выстрел.

Наконец-то после долгих часов ожидания под дождем на холоде решение было принято, и пушка тщательно наведена. Раздался треск двенадцатифунтового орудия, взвился клуб едкого дыма, уносимого ветром, и, когда ядро едва не задело носа тендера, грянуло радостное матросское «ура». В ответ с борта тендера послышались приветственные клики, его команда принялась размахивать шляпами, и оба судна продолжали сближаться с общей скоростью в пятнадцать узлов.

Быстроходный, чутко слушающийся руля тендер — наверняка судно контрабандистов — приблизился к фрегату с подветренного борта, потерял ход и теперь будто чайка покачивался на волнах зыби. Его моряки со смуглыми смышленными физиономиями улыбались, поглядывая на орудия фрегата.

«Я бы не отказался от полудюжины эдаких молодцев», — подумал Джек Обри. Тем временем капитан Гриффитс попривет-

¹ Гай Фокс (1570–1606) — английский дворянин-католик, знаменитый участник Порохового заговора (1605) против английского и шотландского короля Иакова I, симпатизировавшего протестантам.

ствовал шкипера этой скорлупки, отделенной от фрегата уже всего лишь несколькими ярдами.

— Поднимитесь ко мне на борт, — настороженно произнес капитан Гриффитс.

Через несколько минут, произведя ряд эволюций, шкипер под крики: «Гляди не навернись!», держа под мышкой какой-то сверток, вскарабкался по кормовому трапу фрегата. Легко перемахнув через фальшборт, он протянул руку и произнес:

— Поздравляю вас с миром, капитан.

— С миром? — вскричал Гриффитс.

— Так точно, сэр. Так и думал, что вы будете удивлены. Его подписали меньше трех дней назад¹. Об этом еще не знает ни один корабль в иностранных водах. У меня все судно забито газетами, вышедшими в Лондоне, Париже и провинциальных городах. В них, господа, все свежие новости изложены самым подробным образом, — произнес шкипер, оглядывая собравшихся на шканцах. — Уступлю всего по полкраны.

Все тотчас поверили нежданному гостю. Лица у находившихся на шканцах офицеров мгновенно помрачнели. Произнесенные вполголоса слова подслушали просиявшие канониры у карронад, и вскоре с полубака донеслось «ура». Капитан скорее по привычке, чем по необходимости распорядился: «Переписать всех крикунов, мистер Куорлз», но известие уже донеслось до моряков у грот-мачты и оттуда мгновенно распространилось по всему кораблю, вызвав у рядовых матросов вопли восторга. Как же, их теперь ждут свобода, жены, подруги и прочие радости безопасной сухопутной жизни.

По правде говоря, и в голосе капитана Гриффитса не было должной суровости. Всякий, заглянувший в его близко посаженные глаза, заметил бы в их глубине потаенную радость. Да, со службой покончено, она растаяла, как клубы табачного дыма, но никто на свете не знает, какой семафор он еще может передать. Старательно скрывая свои подлинные чувства, Гриффитс с не-

¹ Речь идет об Амьенском мирном договоре, который был заключен 25 марта 1802 г. между Францией и Великобританией. В мае 1803 г. война вспыхнула вновь.

ожиданной для него учтивостью пригласил своих пассажиров, старшего офицера, вахтенных начальника и мичмана отобедать у него пополудни.

— Удивительное дело — наблюдать, как радуются моряки, радуются благам мира, — обратился к капеллану Хейку Стивен Мэтьюрин. Обратился просто так, чтобы не быть невежливым.

— Пусть порадуются. Все ж таки блага мира. Ну как же иначе, — отвечал капеллан, у которого не было ни пенсии, ни накоплений; он твердо знал, что, едва «Чаруэлл» придет в Портсмут, его спишут. Отец Хейк не спеша вышел из кают-компания и, оставив капитана Обри с доктором Мэтьюрином одних, в молчаливом раздумье принялся мерить шагами шканцы.

— А я-то думал, что он обрадуется, — заметил Стивен Мэтьюрин.

— Станный вы человек, Стивен, — произнес Джек Обри, с приятнью посмотрев на него. — Вы уже столько времени плаваете, и, кроме того, никто не посмел бы назвать вас глупцом, но о жизни моряка вы знаете не больше неродившегося младенца. Неужели вы не заметили, какими мрачными были Куорлз и Роджерс, да и все остальные? Для нас самая большая опасность во время войны — это опасность заключения мира!

— А я приписал общую подавленность тревожной ночи — длительное напряжение, недостаток сна. Хотя не скажу, чтобы кто-то боялся драки. Кстати, капитан Гриффитс был в превосходном настроении.

— Да неужто? — Джек зло прищурился. — Отчего же не повеселиться капитану первого ранга? Он получает свои десять шиллингов в сутки, и, если кто-нибудь из стариков отдаст концы или пойдет на повышение, капитан может занять их место в табели о рангах. Гриффитс уже в годах — ему лет сорок, если не больше, но, если ему повезет, он умрет адмиралом. Речь не о нем. Мне жаль других — лейтенантов, которые будут сидеть на половинном жалованье и едва ли смогут получить в командование корабль, не говоря о повышении. А что сказать о несчастных гардемаринах, которые теперь уже никогда не получают офицерского патен-

та? И, разумеется, даже половинного жалования. Им остается поступить на флот к торгашам или чистить господам сапоги перед Сент-Джеймским парком. Вы не слышали старую песню? Я напою вас куплет. — Промурлыкав мелодию, капитан Обри негромко запел:

Джек сказал: «Это радость, не горе:
Мир наступит на суше и в море.
Я натягивать буду не пушку,
А свою пышнотелую душку!»
Осерчал адмирал:
«Я на мир этот клал!»
Капитан заскулил:
«Белый свет мне не мил!»
Лейтенантик изгрыз треуголку:
«Коли мир, значит, зубы на полку...»
Ну а лекарь сказал: «Я не рвач,
Проживу как базарный циркач».

— Ха-ха, Стивен, это про вас, ха-ха-ха...

Говорит гардемарин:
«Невелик морской мой чин,
У ворот я парка встану,
Сапоги всем чистить стану;
С щеткой, с ваксою сидеть,
На гуляющих глядеть.
Подходите, господа,
Я надраю вам муда».

Мистер Куорлз, услышав знакомый напев, сунул нос в дверь, и у него от возмущения сперло дыхание. Но Джек Обри был гость, к тому же старший офицер — штурман и командир, с эполетом на левом плече, да еще плотного телосложения и высокого роста. Тяжело вздохнув, мистер Куорлз убрался восвояси.

— Надо было петь потише, — произнес Джек Обри и, придвинув стул к столу, негромким голосом продолжал: — Нет, я этих парней жалею. Впрочем, как и себя самого — ведь нет никакой возможности получить корабль при том, что нет противника, с которым можно было бы сражаться. Но мои обстоятельства

нельзя даже сравнивать с тем положением, в котором оказались они. Нам повезло с призовыми деньгами, и если бы не эта дурацкая волокита, из-за которой мне не присваивают чин полного капитана, я был бы счастлив эдак с полгода поошиваться на берегу. Заняться охотой. Послушать приличную музыку. Оперу! И не в какой-нибудь дыре, а в Вене! Каково? Что вы на это скажете, Стивен? Хотя, должен признаться, медлительность наших канцелярских крыс выводит меня из себя. Но разве можно сравнить мое положение с положением этих ребят? Не сомневаюсь, что перемирие будет вскорости заключено. — Он взял номер «Таймс», затем вновь пробежал глазами «Лондон Гэзетт», в надежде заметить собственную фамилию, хотя успел прочитать газету трижды. — Вы не кинете мне ту, что лежит на рундуке? — произнес он и швырнул газету на пол. — «Сассекский Курьер».

— Это то, что нужно, Стивен, — произнес он пять минут спустя. — «Гончие мистера Сэвила соберутся в десять часов в среду 6 ноября 1802 года возле ЧампфлауэрКросс». В детстве я много возился с ними: полк моего отца стоял под Рейнсфордом. Лагерь находился милях в семи от городка — чудная местность для псовой охоты и верховой езды. А теперь послушайте вот это: «Великолепное жилище для джентльмена, дом на гравиевой почве, сдается сроком на год, цена умеренная». Еще в объявлении указано, что имеется конюшня на десять лошадей.

— А комнаты там имеются?

— Разумеется. Если бы речь шла только о стойлах, дом не могли бы назвать «великолепным жилищем для джентльмена». Ну что вы за человек, Стивен. Десять спален. Прочее описывать не буду, скажу только, что он, вдобавок ко всему, расположен не слишком далеко от моря.

— А вы не подумали о том, чтобы отправиться в Вулхемптон, к своему отцу?

— Да... ну да. Конечно, я хочу навестить его. Но дело в том, что там моя мачеха. По правде говоря, не думаю, что это исчерпывающее объяснение. — Джек помолчал, пытаясь вспомнить звучное имя своего наставника по латинской и греческой классике, которого на дух не переносила вторая жена генерала Обри. Дело в том, что отец недавно женился на своей молочнице — смазливой

черноглазой молодой женщине с влажными ладонями, которую Джек хорошо помнил именно как молочницу и с трудом мог представить ее себе в другой роли. Актеон, Аякс, Аристид? Имена и подвиги были так похожи, что Джеку не удалось вспомнить, имя какого античного героя носил старый книжный червь. Он напрасно ломал голову и какое-то время спустя вновь принялся изучать объявления.

— Тут нахваливают местность, расположенную где-то в окрестностях Рейнсфорда: пишут, что там можно найти три или четыре своры охотничьих псов, до Лондона всего день пути, а великолепных жилищ для джентльменов предлагаются дюжины, и все они расположены на песчаном берегу. Пойдете со мной перекусить, Стивен? Что до наших планов, то мы захватим с собой Бондена, Киллика, Льюиса и, возможно, еще одного-двух ветеранов с «Софи». Пригласим кого-нибудь из молодых приехать и пожить у нас. Позабавимся, развлечемся, устроим себе райскую жизнь!

— Я бы не прочь, — отозвался Стивен. — Какую бы чушь ни писали в объявлениях, все эти строения стоят на меловой почве, а там в низинах есть весьма любопытные растения и насекомые. А еще мне хочется увидеть пруды, я, кажется, соскучился по пресноводной флоре и фауне.

Над Полкари Даун нависло студеное небо; с севера над заливыми лугами дует пронизывающий ветер, он поднимается все выше к пашне, затем еще выше, достигая бескрайних торфяников, вдоль нижней границы которых по низине тянется роща, называемая Рамболдс Горс. У рощи виднелись десятка два людей в красных куртках, а еще дальше на середине пологого склона холма, в конце борозды, неподвижно стоял пахарь с плугом, запряженным парой сассекских волов, который смотрел, как гончие мистера Сэвила пробиваются через кустарник и бурые заросли папоротника.

Дело шло неспешно: собаки то и дело теряли лисий след, так что охотники то и дело прикладывались к фляжкам, дышали на озябшие ладони и разглядывали простирающийся внизу пейзаж:

башни и колокольни Верхнего, Среднего, Нижнего и Сэвилского Чампфлауэра, шесть или семь разбросанных по долине особняков, холмы, похожие на горбатые спины прячущихся друг за друга китов, и свинцовое море, виднеющееся вдали.

Поле было невелико, и почти все охотники были между собой на короткой ноге: полдюжины фермеров, несколько джентльменов из Чампфлауэра и соседних приходов, два офицера иррегулярных частей из пришедшего в упадок лагеря в Рейнсфорде, мистер Бертон, который, несмотря на свой насморк, вышел на охоту в надежде краешком глаза увидеть миссис Сент-Джон, а также доктор Вайнинг в шляпе, пришпиленной к парик и подвязанной шарфом к подбородку. Отправляясь на вызов, он позволил себе ненадолго изменить клятве Гиппократата, будучи не в силах устоять перед звуками охотничьего рожка. Сейчас, когда собаки сбились со следа и первый азарт приугас, доктора мучила совесть. Время от времени он поглядывал на окутанное стылмым воздухом пространство, отделяющее его от роши, за которой в нескольких милях находилось имение Мейпс Корт, где его поджидала занедужившая миссис Уильямс.

— Она, в конце концов, тоже достойна сострадания, — сказал он себе. — Жаль только, что именно моего, но, как добрый христианин, я должен нанести ей визит. И я исполню свой долг добровольно, если ее посыльные не найдут меня снова, прежде чем я сосчитаю до ста. — Доктор положил палец на пульс и начал считать. Досчитав до девяноста, он остановился, ища себе новый предлог для проволоочки. На дальней опушке роши он заметил незнакомую фигуру.

— Несомненно, это тот самый врач, о котором мне много говорили, — произнес доктор Вайнинг. — Надо соблюсти вежливость, подъехать к нему и обменяться парой слов. Даже отсюда видно, что этот малый любитель рома. Ей-ей, так оно и есть.

«Любитель рома» восседал на муле — непривычное зрелище для английского охотничьего поля. Помимо мула, в глаза бросались прочие странности — короткие штаны в обтяжку цвета шифера, бесцветные глаза, бледное лицо и еще более бледная обритая макушка (его шляпа и парик были приторочены к седлу). Необычным было даже то, как он впился зубами в ломоть хлеба,

натертого чесноком. Незнакомец громко разговаривал со своим спутником, в котором доктор Вайнинг узнал нового постоянного усадьбы Мелбери Лодж.

— Я скажу вам, в чем дело, Джек, — кричал он. — Вам сразу все станет...

— Вы, сэр, вы, который на муле, — слышался разгневанный голос мистера Сэвила. — Вы дадите этим окаянным псам делать их работу? Вы слышите меня? Точить лясы, господа, надо не на охоте, а в кофейне или, на худой конец, в парламенте!

С постным видом поджав губы, капитан Обри хлестнул коня и подъехал к приятелю, что был ярдах в двадцати от него.

— Скажете мне свое мнение потом, Стивен, — негромко произнес он, отводя приятеля за опушку рощи, подальше от глаз распорядителя охоты. — Скажете, когда они дотравят свою лису.

Постный вид не сочетался с лицом Джека Обри, ставшим от стужи красным, как его куртка. Едва они обогнули опушку леса и оказались в зарослях побитого непогодой терновника, к нему вернулась его обычная жизнерадостность, и он с любопытством поглядывал на заросли, которые шевелились и шуршали, свидетельствуя, что свора за работой.

— Уж не лису ли они ищут? — спросил Стивен Мэтьюрин так, словно более привычным объектом охоты в Англии были гиппогрифы, а затем погрузился в мрачные раздумья, продолжая медленно жевать прочесоченный хлеб.

Ветер обдувал длинный склон холма; далекие облака чередой проплывали по небу. Крупный гунтер Джека то и дело прыгал ушами; эта гнедая лошадь, его последнее приобретение, была крепко сбита и вполне подходила всаднику, весившему под две с половиной сотни фунтов. Охоту это животное не жаловало и, подобно многим меринам, большую часть времени горевало по своему утраченному жеребячьему достоинству; это был, можно сказать, разочарованный в жизни конь. Если бы мысли, пронесившиеся в его голове, можно было воплотить в слова, то их смысл был бы примерно следующим: «Хозяин чересчур грузен; а когда заставляет меня прыгать, норовит завалиться вперед. Если скоро мы не повернем домой, я его точно сброшу... Чую

кобылу! Кобылу-у-у! Ах!» Его раздутые ноздри горестно задрожали, и он ударил копытами.

Оглянувшись, Джек увидел на поле новых всадников. По краю пашни скакали девушка и грум. Грум ехал на невысокой, коренастой лошадке, юная леди — на хорошенькой породистой гнедой кобылке. Когда они добрались до изгороди, отделявшей поле от склона, грум спрыгнул с лошади, чтобы открыть ворота, но всадница не стала дожидаться и легко перемахнула через препятствие. Тут из рощи донесся азартный собачий визг, предвещавший оживление застопорившейся было охоты.

Шум затих: из леса вылетела молодая гончая и с недоумением уставилась в открытое пространство. Стивен Мэтьюрин отъехал от непролазных зарослей терновника и, задрав голову, стал следить за полетом сокола. При виде мула гнедая кобылка принялась кокетливо подсакивать, мелькая белыми чулочками и встряхивая головой.

— Перестань, ты... — чистым юным голосом произнесла девушка.

Джек, изрядно отвыкший от звуков девичьей речи, обернулся и посмотрел на нее с особым интересом. Она была занята тем, что успокаивала возбужденную лошадку, но, поймав на себе его внимательный взгляд, тут же нахмурилась. Джек Обри отвернулся, невольно улыбаясь, — так хороша, непосредственна и красива была девушка: раскрасневшаяся, со стройной прямой спиной, она сидела верхом с выправкой гардемарина, сидящего за румпелем шлюпки, плывущей по волнующемуся морю. У нее были черные волосы, синие глаза и отчаянный вид сорвиголовы — несколько комичный и более чем трогательный для такого хрупкого создания. Ее туалет составляла потертая синяя амазонка с белыми обшлагами и лацканами, цветом напоминавшая мундир флотского лейтенанта, а завершала его лихо сбитая набекрень треуголка, украшенная туго свернутым страусиным пером.

Каким-то образом, очевидно с помощью гребней, она спрятала под треуголку волосы, оставив одно ухо открытым. И это прелестное ушко, как заметил Джек, когда кобылка боком приблизилась к нему, было розовым, как...

— А вот и лис, — непринужденно заметил Стивен. — Тот самый лис, о котором нам все уши прожужжали. Хотя нет, это самка.

Проскользнув под изгородь, лиса цвета опавших листьев крадучись пробежала мимо и бросилась в сторону пашни. Лошади и мул наострили уши, поворачивая их следом за лисой, словно крылья семафора. Когда зверь стал отчетливо виден, Джек привстал в стременах, приподнял шляпу и закричал так, будто командовал в открытом море, отчего его гунтер прынул в сторону. Раздался звук охотничьего рожка, и отовсюду из зарослей горохом посыпались гончие. Взяв уводящий к укромной ложине след, свора кинулась по стерне наперерез лисе, заливаясь лаем — лучшей музыкой для охотничьих ушей. В следующую минуту собак нагнал егерь. Из-за роши послышались возбужденные голоса: кто-то распахнул ворота загона, и тут же через них стала протискиваться целая орава верховых. Здесь был чертовски неприятный спуск. Джек туго натянул поводья, придерживая коня: он предпочел не рисковать, впервые оказавшись в незнакомой местности, но сердце его, как поднятый по тревоге барабанщик, с удвоенной силой било сбор. Он уже решил, что ему делать, как только толпа поредет.

Джек сызмальства знал толк в лисьей охоте: в этой джентльменской забаве ему нравилось все, от первого звука рожка до едкого запаха затравленной лисы, однако, несмотря на то что ему случалось подолгу сидеть на берегу в ожидании очередного назначения, две трети своей жизни он все же провел на море и, конечно же, подрастерял охотничьи навыки.

В воротах по-прежнему теснились всадники, так что не было никакой возможности выбраться из загона, прежде чем свора окажется на соседнем поле. Круто повернув лошадь, Джек воскликнул:

— За мной, Стивен! — и кинулся к изгороди.

Краешком глаза он заметил, как гнедая мелькнула между его приятелем и толпой в воротах. Когда лошадь под Джеком взмыла вверх, он повернул голову, чтобы посмотреть, как преодолевает изгородь амазонка в треуголке. Мерин тотчас почувствовал шаткость равновесия всадника. Он прыгнул почти что свечкой,

приземлился, а затем, низко опустив шею, ловко повернув плечо и взбрыкнув задними ногами, избавил себя от седока.

Джек сдался не сразу. Это было медленное, позорное сползание со скользкого бока неблагодарной скотины. Правой рукой он вцепился в гриву, но хозяином положения был мерин, а не моряк, и ярдов через двадцать седло оказалось пустым.

Однако истинное удовлетворение мерин испытывал недолго. Один сапог Джека застрял в стремях так, что от него невозможно было освободиться, к тому же он дергался и колотил мерина, вопя и ужасно бранясь. Тот встревожился, начал шалеть, захрапел, выпучил глаза и бросился вскачь, не разбирая дороги, по глубоким бороздам, усеянным убийственными камнями.

Увидев это, пахарь бросил волов и стал взбираться по холму, размахивая стрекалом. Высокий молодой человек в зеленой куртке — конюх — кричал: «Тпруу!» — и бежал навстречу мерину с растопыренными руками. Мул под Стивеном, который оставался на поле последним, повернул и, повинувшись команде седока, бросился наперерез мерину, карабкаясь изо всех сил, почти припав к земле. Обогнав пахаря и конюха, он остановился как вкопанный на пути мерина и принял удар на себя. Подобно герою, Стивен спрыгнул с мула, схватил поводья мерина и не отпускал их до тех пор, пока к нему на помощь не прибежали юноша в зеленой куртке и пахарь.

Волы, предоставленные сами себе, не дойдя до середины борозды, были настолько возбуждены увиденным зрелищем, что были и сами готовы выкинуть какое-нибудь коленце. Но, прежде чем они успели решить, какое именно, представление окончилось. Пахарь повел пристыженного мерина к краю поля, Стивен и Джек, потирая ушибленные конечности, тоже поплелись восвояси. Мул кротко шагал за ними.

Поместье Мейпс Корт было настоящим бабьим царством — в нем не было ни одного мужчины, не считая дворецкого и грума. Само собой, миссис Уильямс, хозяйка Мейпс Корт, была женщиной, и еще какой: женственность этой дамы была столь глубока, что почти лишила ее индивидуальности. Ко всему она слыла вуль-

гарной особой, хотя ее семейство, имевшее определенный вес в округе, жило в здешних местах со времен Вильяма Голландца¹.

Было трудно найти какое-то внешнее сходство между нею, ее дочерьми и племянницей, которая делила с ними кров. Нужно признаться, что обитатели дома не отличались общими фамильными чертами. Что до потемневших портретов предков, то они могли быть просто-напросто приобретены на разных аукционах. Все три дочери воспитывались вместе, в окружении одних и тех же людей, в одной и той же атмосфере умеренного почитания денег, доходных мест и скрытого раздражения, которое было готово излиться по самому пустячному поводу. К примеру, стоило служанке надеть в воскресенье башмаки с серебряными пряжками, как криволоквов хватало на неделю. Но при этом всех дочерей природа не обидела ни умом, ни внешностью.

Софи, самая старшая, была девушкой изрядного роста, с широко расставленными серыми глазами, высоким лбом и романтическим выражением лица. У нее были мягкие русые волосы, отливающие золотом, и нежная кожа. Она была сдержанной по природе и жила своими мечтами, которыми ни с кем не делилась. Может быть, раннее отвращение Софи к прозе взрослой жизни объяснялось житейской беспринципностью ее матери; так или иначе, в свои двадцать семь она выглядела почти юной. Но в ней не было никакой игривости, ни тени кокетства, лицо отрешенное, словно у святой. Точь-в-точь Ифигения, склонившаяся над письмом. Ее внешностью неизменно восхищались; она всегда была элегантна, а в настроении становилась просто красавицей. И в обществе, и в домашнем кругу она мало разговаривала, но была способна сделать меткое замечание, в котором проявлялось гораздо больше ума и проницательности, чем следовало ожидать от девушки, получившей самое простое образование и жившей тихой провинциальной жизнью. Ее суждения приобретали особый вес, поскольку исходили от милой, податливой и сдержанной особы. Станным образом эти качества отпугивали представлен-

¹ Вильям Голландец — Вильгельм III Оранский (1650–1702), английский король с 1689 г. Призван на английский престол в ходе государственного переворота 1688–1689 гг., до 1694 г. правил совместно с женой Марией II Стюарт.

ных ей мужчин, которые охотно несли всякую чепуху о превосходстве своего пола. Они смутно догадывались о ее внутренней силе, чувствовали ее самодостаточность, делиться которой она ни с кем не желала.

Сесилия была вполне узнаваемой дочерью собственной матери: этакая будущая гусыня с круглым лицом и голубыми кукольными глазами. Она с удовольствием вертелась перед зеркалом и не расставалась со щипцами для завивки. Недалекая простушка, она была всегда и всем довольна, питала слабость к шумным забавам и отличалась довольно доброй натурой. Общество мужчин любого роста и внешности неизменно приводило ее в восторг. Самая младшая сестра, Френсис, напротив, была равнодушна к мужскому вниманию. Эта длинноногая нимфа до сих пор любила свистеть и швырять камни в белок, сидевших на ореховом дереве. Непосредственность юности сочеталась в ней с безжалостностью ребенка. Наблюдать за Френсис было столь же увлекательно, как за игрой блестящей актрисы. Так же, как и у ее кузины Дианы, у нее были черные волосы и огромные озера темно-синих затуманенных глаз. Френсис так отличалась от своих сестер, что, казалось, принадлежала к другому полу. Но всех их объединяла юная грациозность, веселый нрав, отменное здоровье и даже одинаковый вес — чуть меньше ста фунтов у каждой.

Было странно, что при таких достоинствах ни одна из девушек не была замужем, тем более что миссис Уильямс старательно направляла дочерей к брачному ложу. Во многом это обстоятельство объяснялось скудным количеством подходящих холостяков по соседству, опустошительными результатами десятилетней войны, а также нежеланием Софи принять предложения руки и сердца (а их ей делали не раз). Следовало также учесть жажду миссис Уильямс отыскать партию повыгоднее, а также нежелание местных господ иметь ее своей тещей.

Сомнительно, что миссис Уильямс излишне нежила своих дочерей. Разумеется, она их любила и «жертвовала ради них всем», но не в ее характере было уделять место родительскому чувству — она была чересчур занята постоянным отстаиванием своей правоты (не дай бог было в чем-нибудь перечить миссис Уильямс — этому идеалу справедливости) и всегда страдала оттого, что ее

утомляли и злоупотребляли ею. Доктор Вайнинг, который знал ее всю жизнь и крестил ее детей, говорил, что хозяйка Мейпс Корт сама утомила всю округу; но даже он, искренне недолюбливавший ее, признавал, что миссис Уильямс стеной стояла за интересы своих дочерей. Она могла, охлаждая их пыл, из года в год недовольно нудить, портить их дни рождения жалобами на мигрень, но при этом, словно тигрица, сражаться с родителями, доверенными лицами и адвокатами женихов ради того, чтобы добиться для своих девочек «соответствующих условий». И все-таки на руках у нее оставались три незамужние дочери: она даже испытывала некое удовлетворение оттого, что племянница, затмевавшая ее дочерей, тоже не замужем. И действительно, эта племянница, Диана Вильерс, была так же хороша, как Софи, но только по-своему. Они сильно разнились между собой. Диана, благодаря осанке и высоко поднятой голове, казалась рослой. Однако, когда она стояла рядом со своей кухней, то не доставала и до ее уха. Обе девушки были с избытком наделены природной грацией, но если изящество Софи отличалось томной медлительностью, то Диана жила в быстром, как вспышки молнии, ритме. В тех редких случаях, когда милях в двадцати от их имения устраивался бал, она танцевала великолепно и при свечах цветом лица почти не отличалась от Софи.

Миссис Вильерс была вдовой; родилась она в том же году, что и Софи, но насколько разными были их жизни! В пятнадцать лет, после смерти матери, она отправилась в Индию, чтобы вести хозяйство жившего на широкую ногу беспутного отца, и жила там в роскоши даже после того, как вышла замуж за молодого человека, у которого не было ни гроша за душой, — адъютанта отца, — поскольку он переехал в их дворец, столь огромный, что появление мужа и двух десятков новых слуг осталось незамеченным. Это был непрочный брак, основанный на чувствах: оба супруга были столь страстными, сильными и своевольными, что каждый пустяк приводил их к бурному выяснению отношений. Однако с великосветской точки зрения об этом браке можно было судить иначе. Вступив в него, она обзавелась смазливym мужем и вскоре могла обзавестись парком, в котором водятся олени, а также годовой рентой в десять тысяч фунтов, поскольку Чарлз Вильерс не толь-

ко имел хорошие связи (от поместья с парком его отделяла лишь чаемая кончина больного родственника), но был также умен, образован, беспринципен и деятелен. Он особенно блистал на политическом поприще: это был тот самый человек, который мог сделать в Индии блестящую карьеру. Возможно, он стал бы вторым Клайвом¹ и к тридцати с хвостиком разбогател бы. Однако и муж, и отец были убиты в сражении против Типпу Сахиба, причем отец отправился в лучший мир с долгом в триста тысяч рупий, а на мужа приходилась почти половина этой суммы.

Казначейство оплатило проезд Дианы домой и выделяло ей пятьдесят фунтов стерлингов в год до той поры, пока она снова не вступит в брак. Она вернулась в Англию с целым гардеробом тропических платьев и весьма туманными представлениями о жизни на родине. По существу, она стала барышней из пансиона или чем-то вроде этого. Она тотчас поняла, что тетушка намерена прижать ее, не дать ей никакой возможности сманивать кавалеров своих дочерей. Но поскольку она осталась без денег и ей больше негде было приклонить голову, то она все же решила вписаться в этот маленький неторопливый провинциальный мирок с его привычными жизненными устоями и старомодной моралью.

Миссис Вильерс была, можно сказать, обязана оказаться под чьим-то покровительством и с самого начала решила стать кроткой, осмотрительной и скрытной. Она знала, что сестры во главе с мамашей будут видеть в ней угрозу своим планам на будущее, и решила не давать им для этого никакого повода. Но иногда теория у нее расходилась с практикой, к тому же представление миссис Уильямс о покровительстве скорее походило на грубую деспотию. Она побаивалась Дианы и не смела преступать определенные границы, но никогда не отказывалась от того, чтобы дать почувствовать племяннице свое превосходство. Удивительно, как этой, по существу глупой, женщине, не обремененной ни принципами, ни чувством порядочности, всегда удавалось вонзить булавку в самое больное место.

¹ Имеется в виду Роберт Клайв (1725–1774), британский военачальник, правитель Бенгалии.

Так один безрадостный год сменялся другим, и тайные вылазки Дианы с гончими мистера Сэвила не только скрашивали унылую жизнь верховой ездой, но имели еще и другую цель. Вернувшись на этот раз, она встретила свою кузину Сесилию готовой к приему гостей. Та, примеряя новую шляпку, вертелась перед трюмо, стоявшим в простенке между окнами столовой залы.

— В этом жутком капоре ты похожа черт знает на кого, — изрекла Диана голосом весьма мрачным, поскольку гончие потеряли след лисы, а единственный сносно выглядевший мужчина исчез.

— Ах! Ах! — вскричала Сесилия. — Какие гадости ты говоришь! Как ты смеешь чертыхаться! Это же кощунство, это точно. С тех пор как Джемми Блегроув меня обозвала, мне никто таких гадостей не говорил. Маме скажу!

— Не будь душой, Сисси. О нечистой силе пишет Библия, значит, никакого кощунства в этом нет!

— Ах вот что. И все равно, по-моему, это гадость. А ты вся в грязи, Ди. Ах, так ты еще и мою треуголку взяла? Какая ты нахалка! Наверняка ты испортила на ней плюмаж. Маме скажу! — Она сорвала с кузины треуголку, но, увидев, что все перья в целости и сохранности, смягчилась и продолжала: — Выходит, ты ездила по грязи. Наверно, по Галлипот Лейн. Кого-нибудь видела на охоте? Целое утро псы страшно лаяли и выли на Полкари.

— Охотников я видела издалека.

— Ты меня так напугала своим чертом, — сказала Сесилия, дуя на страусово перо, — что я чуть не забыла сказать тебе новость. Адмирал вернулся!

— Уже?

— Да. И нынче пополудни он к нам приедет. От него уже был Нед с поклоном, и, возможно, после обеда адмирал привезет маме теплую шаль. Как здорово! Он наверняка выложит все про этих морских офицеров, что объявились по соседству! Мужчины, Диана!

Едва семейство приготовилось к чаепитию, как вошел адмирал Хеддок. Он был единственным адмиралом желтого вымпела, ушедшим в отставку, так и не подняв своего флага. Сэр Хеддок не плавал с 1794 года, но для здешних дам был единственным авто-

ритетом в морских вопросах. Им страшно не хватало его после неожиданного появления в окрестностях некоего флотского капитана Обри — того самого, который поселился в Мелбери Лодж и таким образом оказался на их ловчем поле: их снедало любопытство, но правила хорошего тона не позволяли дамам нанести визит холостяку.

— Пожалуйста, адмирал, — произнесла миссис Уильямс, успев сдержанно похвалить презентованную ей шаль, посмотрев на нее прищуренными глазами и поджав губы: подарок не понравился ей ни качеством, ни цветом, ни ценой. — Пожалуйста, адмирал, расскажите нам про этого капитана Обри, который, говорят, поселился в Мелбери Лодж.

— Обри? Ну как же, — отвечал адмирал, поводя головой, словно попугай. — Я знаю о нем все. Сам я его не встречал, но говорил о нем с людьми в клубе и в Адмиралтействе и когда приехал домой, то заглянул в адмиралтейский справочник. Он молодой человек, по чину всего лишь штурман и командир...

— Так он только делает вид, что он капитан? — воскликнула миссис Уильямс, всей душой желавшая, чтобы так оно и было.

— Да нет же, — нетерпеливо оборвал ее адмирал. — У нас на флоте всегда называют командиров кораблей капитан такой-то и такой-то. Настоящих капитанов, полных капитанов мы называем капитанами первого ранга. Капитан первого ранга должен командовать кораблем шестого или более высокого класса, скажем двадцативосьми- или тридцатидвухпушечным фрегатом. Каков ранг корабля, таков и ранг капитана, мадам.

— Ах вот как, — вставила миссис Уильямс, с умным видом кивая головой.

— Хотя этот офицер имеет лишь низший капитанский чин, он блестяще проявил себя в Средиземноморье. Лорд Кейт посылал в одно крейсерство за другим его крохотный старый четвердечный бриг, который стал грозой всего прибрежного судоходства. Были времена, когда сей молодой человек чуть ли не под завязку наполнял гавань Лазаретто-Рич в Порт-Магоне призовыми судами. Тогда его и прозвали Счастличик Джек. Должно быть, он добыл немало призовых денег. На то он и Счастличик. Чего стоил один «Какафуэго»! Он тот самый Джек Обри, который взял его на шпа-

гу, — торжественно изрек адмирал, оглядывая безмятежные женские лица. Глупые курицы никак не отреагировали на его слова, и после краткой паузы, покачав головой, адмирал спросил: — Насколько я понимаю, вы даже не слышали про это дело?

Конечно же, так оно и есть. Они сожалеют, что ни о каком таком «Какафуэго» слыхом не слыхивали. Это что же, то же самое, что битва при Сент-Винсенте?¹ Возможно, они находятся в неведении оттого, что были заняты в ту пору сбором клубники. Зато собрали целых двести банок.

— «Какафуэго» — испанский фрегат-шебека с тридцатью двумя пушками. Обри на своем крохотном четырнадцатипушечном бриге атаковал его, захватил и привел на Менорку. Дело было горячее. Весь флот только о нем и говорил. Если бы не волокита с бумагами каких-то барселонских купцов, которые доказали, что шебека во время ее захвата не принадлежала королю, а действовала как капер, то Джеку Обри несомненно присвоили бы чин капитана первого ранга и передали испанца под его командование. Возможно, его даже возвели бы в рыцарское достоинство. Но, поскольку бюрократический механизм — дело тонкое — я объясню вам эти тонкости потом, ведь юным дамам знать такое неинтересно, — шебеку Адмиралтейство не приобрело, поэтому капитан Обри до сих пор не получил повышения. Более того, думаю, он его и не получит. Ведь он отъявленный тори, по крайней мере таков его отец, но все равно с ним обошлись в высшей степени несправедливо! Возможно даже, он вовсе не тот, кто вам нужен, но я тем не менее намерен обратить на него особое внимание. Завтра я нанесу ему визит, скажу, как ему следует действовать, и выражу свое возмущение крючкотворами из Адмиралтейства.

— Так по-вашему, он совсем не то, что нам нужно, сэръ? — переспросила Сесилия.

— Да, дорогуша, совершенно не то. Далекое не то, так мне сказали. Возможно, он лихой малый! Куража ему не занимать. Но

¹ Морская битва, произошедшая 14 февраля 1797 г. у мыса Сент-Винсент (крайней юго-западной оконечности Португалии), в которой капитан Нельсон и адмирал Джерлис разбили испанский флот. Нельсон получил за этот бой рыцарский крест ордена Бани и чин контр-адмирала.

дисциплина у него хромает! На суше это еще полбеда, но флот это не устраивает, тем более сэра Сент-Винсента. На Обри жалуются за его недисциплинированность, независимость, нежелание подчиняться приказам. Таким офицерам хода не будет, пока сэр Сент-Винсент заседает в Адмиралтействе. Кроме того, боюсь, что капитан Обри не соблюдает пятую заповедь в достаточной мере. — Все девушки наморщили лбы, тщась вспомнить десять библейских заповедей в должной последовательности. И когда они наконец сообразили, что именно имел в виду адмирал, тот стал продолжать: — Было много разговоров относительно миссис... относительно жены одного его начальника. Говорят, что этим и объясняются его карьерные неудачи. Боюсь, он страшный распутник. О старике Джарви можете говорить что хотите, но он не из тех, кто потерпит разврат. Кроме того, тори он не переваривает.

— А старик Джарви — это морское ругательство, обозначающее нечистого? — понтересовалась Сесилия.

Адмирал изумленно задумался и, собравшись с силами, ответил:

— Старик Джарви — это граф Сент-Винсент, первый лорд Адмиралтейства.

При упоминании столь высокого лица миссис Уильямс сделалась серьезней и почтительней. После уважительной паузы она поинтересовалась:

— Мне кажется, вы упомянули отца капитана Обри, адмирал?

— Да. Он тот самый генерал Обри, который учинил грандиозный скандал, когда высек в Хинтоне кандидата от партии вигов.

— Как некрасиво. Но, если он позволил себе выпороть члена парламента, у него наверняка значительное состояние?

— Не слишком значительное, мадам. Всего лишь небольшое именьеце за Вулхемптоном и к тому же обремененное долгами, как говорят. Мой кузен Хенмер хорошо знает генерала Обри.

— И капитан Обри его единственный сын?

— Да, мадам. Правда, у него недавно появилась мачеха: несколько месяцев назад генерал женился на деревенской девушке. Говорят, она славная, веселая молодая особа.

— Боже, какой срам! — заявила миссис Уильямс. — Но наследников, верно, не прибавится? Полагаю, что генерал в годах?

— Вовсе нет, мадам, — возразил адмирал. — Ему не больше шестидесяти пяти. На месте капитана Обри мне было бы не по себе.

Лицо миссис Уильямс посветлело.

— Бедный молодой человек, — успокоившись, проговорила она. — Как я ему сочувствую.

Дворецкий унес чайный поднос, помешал в камине и принялся зажигать свечи.

— Как быстро наступает вечер, — заметила миссис Уильямс. — У дверей свечи можете не зажигать. Задерните гардины за шнур, Джон. От прикосновения ткань изнашивается, да и кольца истираются. А теперь, адмирал, что вы можете нам сказать о втором обитателе Мелбери Лодж, наперснике этого капитана Обри?

— Ах вот вы о ком, — отозвался адмирал Хеддок. — Я мало что о нем знаю. Он был корабельным врачом на его бриге. И он, как я слышал, чей-то побочный сын. Его фамилия Мэтьюрин.

— А что значит побочный, сэр? — осведомилась Френсис.

— Видите ли... — растерялся адмирал, пряча глаза.

— Скажите, а побочными бывают только сыновья, или дочери тоже?

— Молчи, детка, — оборвала ее мать.

— Мистер Ливер заходил в Мелбери Лодж, — сказала Сесилия. — Капитан Обри уехал в это время в Лондон. Похоже, он только что и делает, что ездит в Лондон. Мистер Ливер видел доктора Мэтьюрина и говорит, что он очень странный, похож на чужеземца. Доктор в это время делал кровопускание лошади в зимней гостиной.

— Как это неосмотрительно, — заметила миссис Уильямс. — Придется смывать кровь холодной водой. Холодная вода — единственное средство для удаления следов крови. Как вы считаете, адмирал, не следует ли сказать им, что надо смывать пятна крови холодной водой?

— Полагаю, они хорошо умеют смывать пятна именно такого рода, мадам, — отозвался старый вояка. — Но я вот о чем думаю, — продолжал он, оглядывая всех за столом. — Как вам повезло, ба-

рышни, что два моряка с карманами, полными гиней, высадились на берег почти у вашего порога. Стоит только свистнуть — и женихи тут как тут, ха-ха-ха!

Адмиральская шутка была принята холодно: ни одна из девиц не захотела разделить его веселье. Софи и Диана сидели с хмурыми лицами, Сесилия обиженно вскинула голову, Френсис недобро улыбнулась, а миссис Уильямс, поджав губы, посмотрела на кончик своего носа и стала придумывать резкий ответ.

— Хотя, — продолжал старый моряк, — насколько я понимаю, ничего из этого не выйдет. Обри сказал Тримблу, который хотел сосватать за него свою золовку, что он на дам даже смотреть не может. Похоже, ему так не повезло со своей последней привязанностью, что он стал шарахаться от всех прочих женщин, как черт от ладана. Хотя его и зовут Счастливым, но на деле он бедолага: в чинах не растет, отца угораздило жениться не пойми на ком, да еще адмиралтейский суд мусолит его иски по двум нейтральным призам. Потому-то он то и дело ездит в Лондон. Несомненно, человек этот невезучий, но несомненно также то, что он и сам это понял. Так что капитан не зря отказался от мысли о супружеской жизни, ведь в браке все построено на удаче, вот он и махнул рукой на женщин.

— Совершенно верно! — воскликнула Сесилия. — Там у них нет ни одной женщины! Миссис Бердетт, которая совершенно случайно проезжала мимо, и наша Молли — дом ее отца находится сразу за ее домом, она может наблюдать за всем, что там происходит, — так вот, они утверждают, что в усадьбе нет ни одной женщины! Джентльмены живут там вместе, а за прислугу у них несколько матросов. Странное дело! И все же миссис Бердетт, такая красивая, точно говорю, рассказывала, что окна сверкали словно бриллианты, а все рамы и двери были недавно выкрашены белой краской.

— И как они рассчитывают навести у себя порядок? — пожалала плечами миссис Уильямс. — Это же глупо и противоестественно. Боже, я бы ни за что даже не присела под этой крышей. У меня такая чистота, что я могу вытереть стул платком и не запачкаю его, уверяю вас.

— Что вы, мадам, в море у нас всегда порядок.

— Ну, это в море, — понимающе улыбнулась миссис Уильямс.

— Как же они чинят свою одежду, бедняги? — спросила Софи. — Наверно, все время покупают новые вещи.

— Представляю, как они штопают свои дырявые чулки, — фыркнула Френсис. — Сидят себе и ковыряются с иглой. «Доктор, не передадите ли мне синюю штопку? И еще — наперсток, пожалуйста». Ха-ха-ха-ха!

— Думаю, они сами могут себе стряпать, — заметила Диана. — Даже мужчины способны сварить кусок мяса; потом, под рукой всегда есть яйца, хлеб с маслом.

— Как это чудесно и необычно! — всплеснула руками Сесилия. — И как романтично! Совсем как бродяги. Ах, как мне хочется с ними познакомиться!